

«Дневники Красной Юрты» А.П. Путинцевой как исторический источник

Анна Александровна Савчук,

кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: savchuk.aa@dvfu.ru

В статье анализируется уникальный исторический источник — «Дневники Красной Юрты», хронологический датированный журнал, созданный Александрой Петровной Путинцевой. Записи в журнале охватывают период с 1929 по 1932 г., когда Александра Петровна решением секретариата Далькрайкома ВКП(б) была направлена на работу руководителем Красной Юрты в нанайских стойбищах Нижние Халбы, Даунды, Пашня, Гячи, Аньды, Бичи и Намека. В её обязанности входила работа среди нанайских детей и женщин, борьба за новый быт в нанайских стойбищах, а также с калымом и многожёнством. При содействии А.П. Путинцевой в нанайских стойбищах появились детские сады, родильные койки, школы, пионерские отряды, колхозные огороды. Против калыма и многожёнства Путинцевой было проведено 12 дел в должности нанайского судьи. Повседневная жизнь и работа с населением нанайских стойбищ фиксировалась в специальном журнале — «Дневниках Красной Юрты», которые со временем приобрели черты не только периодического издания организации, но и полевого этнографического журнала, и личного дневника Путинцевой. Кроме того, на стиль изложения материала повлиял и гендерный фактор: текст дневника обладает классическими чертами женского автобиографического письма. В статье также исследуется переплетение личного и общественного в текстах дневников и становление А.П. Путинцевой как одной из первых женщин-этнографов.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Далькрайком, Красная Юрта, полевой этнографический дневник, нанайцы, личный дневник, А.П. Путинцева.

“Diaries of the Red Jurt” by A.P. Putintseva as a Historical Source.

Anna Savchuk, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: savchuk.aa@dvfu.ru.

The paper deals with the unique historical source — “Diaries of the Red Jurt”, a chronological dated journal written by Alexandra Petrovna Putintseva. The entries in the journal cover the period from 1929 to 1932 when by the decision of the Secretariat of the Far Eastern Regional Committee

of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Alexandra Petrovna was sent as head of the Red Jurt to the Nanai settlements of Nizhniye Khalby, Daundy, Pashnya, Gichy, Andy, Bichy and Nameka. Her duties included working among Nanai children and women, spreading the new way of life in the Nanai settlements and combating bride price and polygamy. With A.P. Putintseva's assistance kindergartens, maternity beds, schools, pioneer groups and collective farm vegetable gardens appeared in the Nanai settlements. A.P. Putintseva conducted 12 cases against bride price and polygamy as a Nanai judge. The daily life and work with the Nanai people were recorded in a special journal "Diaries of the Red Jurt", which later became not only a periodical of the organization but also a field ethnographical book and Putintseva's personal diary. In addition, the narrative style was influenced by the gender factor: the text of the diary has classic features of the female autobiographical writing. The paper also explores the intertwining of personal and public in the diaries and the formation of A.P. Putintseva as one of the first female ethnographers.

Keywords: Russian Far East, Dal'kraykom, Red Jurt, ethnographic diary, Nanai people, personal diary, A.P. Putintseva.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках борьбы за освобождение трудящихся женщин коренных народов из-под гнёта отцов и мужей в 1927 г. был принят циркуляр ВЦИК «ЦИКам автономных республик и исполнительным комитетам автономных областей о задачах и работе комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин». Женщины должны были получать правовую и медицинскую помощь, образование и возможности для вовлечения в хозяйственную деятельность региона, предполагалось создание яслей и фельдшерско-акушерских пунктов, школ для коренного населения и пунктов ликвидации неграмотности. Также ставилась задача изучения положения «женщины-националки» в семье и обществе, выявление причин, мешающих общественной работе женщин, борьба с калымом, многожёнством и принудительными браками [9].

В конце 1920-х гг. для осуществления просветительской деятельности среди женщин кочевых коренных народов Дальнего Востока стала применяться такая форма работы, как Красная Юрта (яранга), представлявшая собой клуб для женщин. Первая Красная Юрта на Дальнем Востоке была создана по решению секретариата Далькрайкома ВКП(б) в 1929 г. для обслуживания женщин нанайских стойбищ в Амуро-Горюнском районе. Её заведующей стала Александра Петровна Путинцева, 26 лет, сотрудница управления Дальрыбы, активистка общества «Друг детей». К началу 1930-х гг. число красных юрт на Дальнем Востоке выросло до 12 [1, с. 143, 148].

В данной статье вниманию читателя предлагается исследование «Дневников Красной Юрты» А.П. Путинцевой, официального документа,

приобретшего черты как этнографического журнала, так и личного дневника. Цель статьи — выявить в «Дневниках Красной Юрты» признаки этнографического журнала, с одной стороны, и особого типа эго-документа — «женского письма», с другой. Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд задач: выявить в «Дневниках Красной Юрты» элементы полевого этнографического дневника; выявить в тексте признаки эго-документа; выделить элементы «женского письма» в документе.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале XX в. на Западе произошло становление феминистской антропологии, фиксировавшей внимание на «женском мире», традиционно остававшемся для большинства мужчин-этнографов второстепенным. Для этого женщины-этнографы «помещали себя внутрь» анализируемого предмета, проживая вместе с женщинами исследуемой этнической группы, изучали их легенды, сказания и мифы, интервьюировали женщин [8]. В дореволюционной России женская повседневность изучалась весьма неравномерно, главным образом этнографами (в том числе и этнографами-женщинами, например О.С. Семёновой-Тян-Шанской) в рамках исследования традиционного (крестьянского) быта. Женская повседневность рассматривалась как часть повседневности конкретной этнической группы, «женский мир» был (если был) всего лишь дополнением к «мужскому», т.е. универсальному. Этот подход сохранился и в советской этнографии [6].

Коллективная память имеет чётко выраженную гендерную окраску. В современной гуманитаристике принято считать, что женщины транслируют знания о повседневных аспектах больше и чаще, чем о социально-политических и государственных, но это знание полнее и подробнее, чем мужское. В то же время в контексте взаимодействия Власти и Памяти «женские дела», к которым относилась и повседневность, были негласно признаны неважными, второстепенными и несущественными [5, с. 293—295]. Ситуация осложнялась ещё и тем, что «женский мир» был закрыт от мужчин и мужчинам-этнографам было трудно получить подробную и достоверную информацию, даже если женщины попадали в фокус их исследования. Работы женщин-антропологов и этнографов показывают, что им проще найти подход к объекту изучения и получить более обширные сведения, однако достаточно долго «женский мир» так и оставался малоизученным.

Ситуация в СССР начала меняться во второй половине 1920-х гг. благодаря новой национальной политике. Согласно уже упомянутому циркуляру ВЦИК, «комиссии особенно внимательно должны относиться к вопросу всестороннего изучения труда и быта женщины-националки» [9], тем самым руководительницы красных

юрт наделялись — фактически — функционалом учёных-этнографов, а дневники юрт превращались в полевые этнографические дневники со всеми особенностями данного исторического источника.

Что такое полевой дневник? Современные авторы определяют этот документ как «вид полевых заметок, организованных хронологически; записи полевого дневника не подчиняются строгой логике, им не предзадана структура. В дневнике могут отражаться методологические проблемы, непонимание и сомнения, связанные с ходом исследования, описание трудностей, выражение эмоций. ...Полевой дневник есть переход от наблюдения и действия к знанию в виде текста. Это ещё не этнографическое знание, но нечто, необходимое для его получения» [2]. Полевой дневник является результатом включённого наблюдения исследователя в ходе стационарного наблюдения или этнографической экспедиции. Поскольку А.П. Путинцева провела более трёх лет в качестве руководительницы Красной Юрты, её записи по внешним качественным признакам можно считать полевым дневником исследователя.

С другой стороны, «Дневники Красной Юрты» можно рассматривать как женское автобиографическое письмо. По мнению Д.В. Минец, любой текст связан с гендером автора, социальным контекстом и условиями создания текста. Любой автобиографический текст имеет свой мемуарно-автобиографический дискурс, отличающийся рядом характеристик, в первую очередь ретроспективностью повествования, документальностью, отражением реальности, хронологически последовательным изложением событий, мемориальностью, открытостью, тождеством автора, повествователя и героя, соотношением прошлого и настоящего, особой пространственной и временной организацией, ярко выраженным личностным началом, соотношением субъективного и объективного начал. Женский мемуарно-автобиографический дискурс являет собой единство следующих составляющих: а) гендерной картины мира; б) автокоммуникации; в) системы мемуарно-автобиографических текстов. При этом автокоммуникация описывает систему хождения информации внутри схемы «Я — Я», будучи замкнутой на субъекте в аспекте его саморефлексии [3]. «Дневники Красной Юрты» обладают документальностью, хронологически отражают реальность нанайских стойбищ конца 1920-х — начала 1930-х гг., а также имеют ярко выраженное личностное начало, проявляющееся не только в чётком установлении личности автора, но и в определённой эмоциональности повествования, которую исследователи также относят к особенностям женского письма [7].

Женщины писали свои истории реже мужчин. Н.Л. Пушкарёва связывает это с тем, что женщинам всегда было сложнее стать личностью, состояться как личность [7]. Необходимость ведения дневников Красной Юрты могла стать для А.П. Путинцевой своего рода санкционированным разрешением на самовыражение. Таким образом, в «Дневниках...» можно увидеть интересное кросс-культурное

пересечение «среды» и «гендера». Элен Сиксу в знаменитом эссе «Хохот Медузы» отмечала, что писательство, образно говоря, возвращает женщине её тело, её сексуальность, её силу, позволяя ей высказываться о прежде табуированных вещах [11]. В данном случае можно говорить о снятии нескольких табу: гендерных, этнических и научных. Красная Юрта стала для Путинцевой первым шагом к становлению не только как представительницы власти (именно она олицетворяла в стойбище новую советскую власть, которой предстояло бороться с властью нанайского патриархата), но и как нового советского учёного — женщины-этнографа.

А.П. ПУТИНЦЕВА И ЖИЗНЬ В КРАСНОЙ ЮРТЕ

1 сентября 1929 г. была организована первая Красная Юрта для нанайцев, живших в стойбище Нижние Халбы в Приамурье, под руководством Александры Петровны Путинцевой. Её путь на Север стал результатом общения с известным дальневосточным путешественником, исследователем и этнографом В.К. Арсеньевым и Г.А. Ушаковым, исследователем Арктики. Под их влиянием Александра Путинцева захотела побывать на Севере: «В 1927 году я была командирована на промысловый сезон на Сахалин — в Рыбновскую факторию Дальгосторга секретарём-машинисткой. Там впервые увидела нивхов, нивхских ребятишек, жизнь женщин, увидела тяжёлый нерпичий промысел и умных нерп» [4, с. 309]. Таким образом, Александра Петровна прибыла в Юрту идеалисткой — человеком, считавшим, что Север прекрасен, а нанайские женщины заслуживают лучшей доли и должны научиться пользоваться теми правами, которые предоставила женщинам советская власть. В целом её позиция совпадала с идеалистическим представлением лидеров государства о взаимоотношениях власти и туземного населения, где власть брала на себя образовательную и воспитательную функции по отношению к местным народностям, представлявшимся добрыми, но отсталыми и заблуждающимися.

В районе обслуживания Красной Юрты в 1929—1930 гг. оказались семь стойбищ на верхнем и нижнем Амуре: Нижние Халбы, Даунды, Пашня, Гячи, Аньды, Бичи и Намека, всего 54 хозяйства с населением в 308 человек [4, с. 147]. Самым большим стойбищем были Нижние Халбы: 14 хозяйств и 82 человека. Именно там в 1929 г. начала работу Красная Юрта под руководством А.П. Путинцевой. С ноября 1930 по август 1931 г. Красная Юрта обслуживала стойбища Сороголь, Ямихта, Кондон, Наан, Синдан, Боктор на р. Горюн (Нижне-Тамбовский район) с населением в 318 человек на 42 домохозяйства [4, с. 169—170]. С ноября 1931 по июнь 1932 г. Красная Юрта находилась в стойбище Болонь Нанайского национального сельсовета и обслуживала стойбища Болонь, Нергуль, Ардан, Кадан, Нижний Нерген и Натьки с населением 429 человек, а также селения Джуен, Сеперун и Хотун с населением в 272 человека [4, с. 199].

На руках у Александры Петровны было только «Положение о Юрте», которое, по её словам, содержало лишь общие задачи. Увиденное же в юртах нанайцев её шокировало: «За малым исключением, все больны трахомой и кожными болезнями — чесотка, экзема и т.д. Много слепых, совсем молодых» [4, с. 14]. Было решено начать вовлечение женщин-нанаек (гольдячек) в социалистическое строительство через внедрение в повседневную жизнь навыков гигиены жилища, матери и ребёнка.

Переустройство быта нанайских женщин велось по ряду направлений: роды в Юрте и обучение уходу за ребёнком, привлечение нанайских детей в ясли, обучение женщин хлебопечению и шитью на швейной машинке и, наконец, ликбез и проведение культурно-просветительских бесед с нанайками.

Проще всего оказалось наладить работу яслей. Ребятишки охотно ходили к Суре Путинчи (так называли А.П. Путинцеву нанайцы) играть в игры, петь песни и разучивать танцы. Однако в «Дневниках...» Путинцева пишет о том, что вводимые ею правила гигиены для детей с большим трудом приживались в стойбищах: «Обходила все юрты, подолгу разговаривала. За эти дни у многих ребят появились болячки. Как не ходишь — их не умывают, не следят» [4, с. 22]. В целом к изменениям во внешнем облике детей нанайцы относились положительно, видели в яслях большое подспорье в воспитании детей, хотя были родители, не желавшие пускать своих детей в Юрту и настраивавшие их против Путинцевой. В записи от 19.04.1930 г. приведён такой случай: девочку Нинель мать Мулинка не хотела пускать в Юрту, но, когда Александра Петровна зашла к ним в юрту, девочка стала проситься с ней. «Мулинка начала ругаться, тогда Нинель топнула ножкой и сердито залепетала: „Хэмэбису, хупиндэми энуй!“ („Замолчи, я пойду играть!“). Мать, слыша такие выражения дочери, рассмеялась, а потом комсомольцам жаловалась, что не хочет, чтобы Нинель бегала в юрту, да и не отучить её теперь, целыми днями просится» [4, с. 73]. Тем не менее в общении с детьми были свои сложности: надо было закрепить навыки личной гигиены, выстроить нормальную коммуникацию между ними (по заметкам Путинцевой, дети часто дрались и кусались, если были не в настроении) и объяснить правила поведения с «особыми» детьми, например немой девочкой или детьми из смешанных нанайско-китайских семей.

Ещё сложнее приживались правила личной гигиены среди нанайских женщин. «Шли сначала неохотно. Трудно раскатать гольдячку, скованную вековыми законами, обычаями, боится она старших, а бабки и деды не велят. Но всё же в баню пошли и остались довольны» [4, с. 28]. Позже Путинцева с удовольствием отмечала, что нанайские женщины начали мыться в бане и мыть своих детей: «Если раньше нам приходилось насильно тащить в баню, то теперь уже топят баню сами, а лентяи проезжают на чужом труде, ходят тогда, когда остаётся вода» [4, с. 71]. «Сегодня топили баню, перемыли всех детей детсада, в бане было жарко и много воды, перемыли и нескольких женщин.

Тут (в Кондоне. — А.С.) многие не против бани, но ленятся её топить, а в готовую пойти не отказываются» [4, с. 129]. Иногда, правда, чистоту саботировали мужчины. В Нижних Халбах Путинцева вела беседу с одним из нанайцев по поводу чистоты в его юрте, на что получила отповедь: «Наш такой закон, грязно — так хорошо, чисто — так плохо. Тебе не нравится, не ходи, чего всех учишь!» [4, с. 87]. Для внедрения нового быта устраивались соревнования на самую чистую юрту (победители награждались комплектами детского белья, полотенцами, распашонками и портретами вождей) и проводились суды над матерью-туземкой, саботирующей новый быт, хотя сами нанайцы скептически относились к этим мероприятиям: кто до этого поддерживал чистоту в юрте, тот и так будет это делать, а кто не поддерживал — тут и соревнование не поможет. Зачастую Суре Путинчи и её помощникам самостоятельно приходилось отмывать юрты, чтобы приучить нанайских женщин и мужчин к чистоте. «Вместе с Марусей (политпросветчица в Горюнской Юрте. — А.С.) обошли все юрты в Сорголе и Ямихте. Детей нигде купать не пришлось, т.к. купают уже сами, детишки чистенькие, а вот по юртам ещё грязь, и тут словами ничего не сделаешь, надо вставать и мыть, тогда и они начнут поддерживать чистоту» [4, с. 102—103]. Вообще нанайские женщины во многом требовали личного примера Путинцевой или приглядывались к товаркам: что у них получится после сомнительных, на их взгляд, инициатив Красной Юрты, будь то помывка в бане («Из этих пяти (нанаек, впервые мывшихся в бане в Нижних Халбах. — А.С.) у двух трахома, но пришлось мыться с ними, т.к. одни бы они не пошли» [4, с. 28]) или роды в Красной Юрте («Гольдячки говорят, что если Дуня родит благополучно, то ходить в Юрту рожать можно, т.к. она считается самой тяжёлой роженицей» [4, с. 48]). В итоге Суре Путинчи удалось найти подход к нанайским женщинам через их детей и обучение новому: грамоте и рукоделию. И если ликбез шёл трудно — женщины часто бросали грамоту по ряду причин, — то шить, вышивать и печь хлеб хотели научиться многие нанайки. Из этих кружков шитья выросла другая составляющая работы с туземными женщинами — борьба с калымом, побоями и многожёнством.

До прихода Путинцевой с Красной Юртой советские законы соблюдались плохо, администрация района не вмешивалась в туземные дела, русские поселенцы не стремились окультуривать нанайцев. Более того, сельсоветы часто выступали в качестве посредников при уплате калыма и передаче невесты жениху. «СельСовет был оптимистичным, никого не трогал, никого не обижал, на все бесчинства и нарушения советских законов — нарушение сроков охоты, хищничество, калым и т.д. — смотрел, как на обычное явление, никаких мер к устранению не принимал, страшно боясь с кем-нибудь поссориться, возбудить против кого-нибудь дело» [4, с. 111—112]. В официальных докладах Путинцева отмечала, что калым и многожёнство имели широкое распространение среди нанайцев («Редко встретишь девушку в 17—18 лет, которая ещё не запроdana» [4, с. 192]), в «Дневниках...» фиксируются случаи

сговора замуж девочек 6—10 лет. А.П. Путинцева выделила несколько причин калыма и многожёнства: бесправие женщин, их использование в качестве рабочей силы, а также «традиция, что лицам одного рода, хоть и не имеющим уже давно близкого родства, жениться нельзя» [4, с.192]. Ключевой проблемой для Александры Петровны было всё же бесправие нанайских женщин, с которым она связывала не только калым и продажу в жёны, но и побои. Вековые традиции изживались тяжело, даже лояльные советской власти нанайцы, состоявшие в комсомоле или занимавшие разного рода должности в колхозах, пытались взять вторую жену или купить первую.

Изначально коллектив Красной Юрты боролся с калымом, многожёнством и побоями через разъяснение нанайцам советских законов и отдельно через беседы с женщинами-туземками об их правах. В результате женщины стали заявлять о калыме, побоях, некоторые уходили от своих мужей жить в Красную Юрту (Мато Самар, Имака Заксор), ещё несколько просили забрать их от мужей. Однако беседы давали лишь кратковременный эффект, поэтому Путинцева добилась организации туземного суда, а через два месяца после первого судебного разбирательства Александра Петровна получила от Краевого суда право быть нанайским судьёй для ускорения рассмотрения калымных дел (12 дел было рассмотрено с июня по август 1931 г. в Горюне).

Угрозы судом действовали на дебоширов гораздо эффективнее уговоров. В Горюне Путинцева решила проучить старика Игната Самара, неоднократно избивавшего жену Дарью, и сделала вид, будто бы жена подала на него в суд. Игнат испугался, начал просить не судить его, боялся, что старших детей пошлют на учёбу, а жену с младшими — в Хабаровск. Когда стало понятно, что его не судят, он схватил Александру Петровну за руку «и забормотал: „Спасибо, спасибо, никогда-никогда бить не буду, обижать да не буду“» [4, с.124—128]. Член правления колхоза Никифор Дзяпи Самар купил себе вторую жену, а калымное дело на него так и лежало в суде. Но когда туземный суд перебрался в Горюн, а ему пригрозили разводом с первой женой и алиментами, резко изменил своё решение. «„Не знал, — говорит, — раньше такого закона, поэтому покупал“. Но законы он, конечно, знал, просто думал, что сойдёт ему это так, как сходило другим до него» [4, с.129—130].

Некоторым девушкам, насильно выданным замуж, при помощи Красной Юрты и лично Путинцевой удалось расторгнуть брак и получить здесь временное убежище. Пять потерпевших женщин после развода были отправлены на учёбу в Хабаровск и Ленинград (всего на учёбу Красная Юрта направила 28 человек, из них 13 девушек [1, с.146]). В официальных отчётах Путинцева указывала на большое воспитательное значение подобных показательных процессов в борьбе с калымом и многожёнством, однако, выступая на I районном съезде Нанайского района в 1931 г., отмечала, что по калымным делам (продажа и покупка малолетних девочек) приговоры были мягкими,

иногда всего 5—10 дней принудительных работ. В результате покупка и продажа невест не были изжиты, и отдельные случаи продажи девушек фиксировались Путинцевой в письме секретарю Комсомольского-на-Амуре горкома ВКП(б) тов. Жданову ещё в 1937 г. [4, с. 295—296, 306].

А.П. ПУТИНЦЕВА КАК ЭТНОГРАФ

Этнограф-полевик в своей работе «в поле» должен решить, как он будет взаимодействовать со своим объектом в ходе сбора этнографического материала: как можно более полно погружаться в местную жизнь или сохранять дистанцию [10]. При полном погружении в жизнь нанайских стойбищ в дневниках Путинцевой можно видеть определённое дистанцирование от нанайских женщин и их образа жизни, вызванное культурными различиями в менталитетах русских и нанайцев. Как пишет А.С. Максимова, тексты, созданные в духе этнографического реализма, вместе с авторством оставляют в стороне отношения исследователя и исследуемых; эмоции, положительные и отрицательные, сопровождающие это взаимодействие; свидетельства о неудачах и описание состояний отчаяния, разочарования и фрустрации [2]. Однако уникальность «Дневников Красной Юрты» как раз и состоит в том, что их текст позволяет проследить в том числе и эмоции, которые испытывала Александра Петровна, сталкиваясь с чуждым для неё образом жизни и мыслей.

В «Дневниках...» можно выделить несколько «болевых точек», выведивших Путинцеву из равновесия в личном общении с нанайцами. Первой такой точкой стало отношение жителей стойбищ к советской власти. Не соблюдая советские законы (в этом Путинцева отчасти винила представителей местной власти, которые этого не требовали), нанайцы были уверены, что советская власть им «должна». Одна из первых записей в дневнике от 14.12.1929 г. содержит разговор с Владимиром Тумали, представителем совета Красной Юрты. Он заявил, что не отпускает своих детей в Юрту потому, что Путинцева, имея много денег, не покупает детям «каталки». Александре Петровне пришлось долго объяснять ему, что это не так: денег выделялось мало и ровно на нужды Юрты, ни о каких «каталках» не могло быть и речи. В конце записи она резюмировала: «У некоторых туземцев есть понятие, что Советская власть должна их детей одевать с ног до головы, кормить и пр. (в интернатах, детсадах), и когда им что-нибудь не дают, они прекращают посылку детей в школу» [4, с. 39].

«Должна» была и сама А.П. Путинцева как представительница данной власти. В дневниках за 1932 г. она описывает случай, когда трое нанайцев пришли к ней позаниматься грамотой, и одного из них позвали ловить сазана: «Так он наивно заявил мне: „Ты подожди, я невод брошу, потом дочитаем. Мы сегодня всю ночь рыбачить будем, ты чуть читай с нами“. Иногда насильно тянешь в ликпункт (пункт ликвидации неграмотности. — А.С.), а тут уже и ночью заниматься

готовы. Хотя это потому, что между делом. А нас они считают обязанными учить тогда, когда им хочется» [4, с. 135—136]. При этом сами работники Юрты могли остаться без помощи, когда у нанайцев не было желания что-то делать. Так, Путинцеву очень обидело нежелание Ники Одзяла везти её и мать домой после долгой и утомительной работы в нанайском колхозном огороде: «Так обижает иногда, что ты все силы отдаёшь, чтобы сделать всё, что в состоянии только сделать, а взамен получаешь вот такие выходки издевательства, когда не в состоянии тряхнуть ни рукой, ни ногой, а ещё садись и сам гребь на лодке один, т.к. мать ни грести, ни рулить не умеет» [4, с. 139—140]. Ругаться было бесполезно: «Циммерман ругался, когда мы вернулись поздно и пешком, — вспоминает А.П. Путинцева другой случай. — Попало Гаули и Кириллу (председатель сельсовета и секретарь комсомольской группы. — А.С.), что так относятся к работникам, но ведь это их не прошибёт. Они считают: какой труд пройти 1,5—2 км. пешком и так всю зиму, несмотря на гололедицу и пургу» [4, с. 138].

Трудности в общении с местным населением, откровенный саботаж начинаний Красной Юрты, агрессия, проявляемая местными к самой Путинцевой, привели к накоплению психологической усталости и эмоциональному выгоранию. Особенно сложно внедрялась среди нанайцев медицинская помощь. Вообще отношение к врачам и врачебным предписаниям было в нанайских стойбищах в основном негативным. Женщины не хотели рожать в Красной Юрте, доходило до драк с врачом и самой Путинцевой (так, жена зав. Кондонским отделением Интеграла «двинула врача и меня, выскочила на улицу, села на лабаз и завыла» [4, с. 133]). Клизмы и прививки делались с боем, приём лекарств местными саботировался. «На врача так смотрят: если мёртвого не поднял, значит, лечит так же, как шаман. Врача называют „русским чёртом“ и думают, что Юрта принесла с собой несчастья», — писала Путинцева [4, с. 96]. Врач была вынуждена много работать вместе с Путинцевой, перемывая юрты после скарлатины («Врач и я пошли делать дезинфекцию в скарлатиновой юрте — вымыли весь дом с сулемой, перестирали бельё, перемыли посуду с 8 часов до 5 часов вечера. Без обеда, причём работали исключительно мы, а две женщины носили воду, топили камин и вымыли пол, а остальное время смотрели на нас, сидя с трубками в зубах, врач мыла потолоки все-все. Вряд ли найдёшь такого врача, который бы согласился на такую работу. Мы делали это потому, что боялись распространения заразы, а они, зная, что это опасно, прямо издевались... Пришли домой не в состоянии двинуться» [4, с. 116—117]). Подобное отношение к деятельности врача приводило Путинцеву в состояние крайней усталости, что выражается соответствующей лексикой в дневнике: «издевались», «не могла двинуться», «страшно боюсь, вдруг скарлатина распространится», «ребёнка свернуло» и др.

В «Дневниках...» встречаются упоминания о трудностях и об угрозах, с которыми столкнулась Александра Петровна в ходе кампании по оспопрививанию в Сорголе, Ямихте и Кондоне: Николай Тумали,

сын делегатки, выдвинутой в сельсовет, «пообещал схватить ружьё и пристрелить меня, если оспу ему привью, но, видя мою решительность — ни в коем случае не отступать, — он всё же сдался, и под всякие ругательства врач оспу ему всё же привил» [4, с. 108]. Этот случай вывел Путинцеву из равновесия, в «Дневниках...» она жаловалась: «Как тяжело работать. Сегодня после всей этой истории я выкурила папиросу прямо у них в юрте, хотя всегда борюсь с табачниками и сама не курю. А они уже начали смеяться и говорить: „Не серчай, Шура!“» [4, с. 108—109].

Но всё же по большей части «Дневники Красной Юрты» наполнены тёплыми историями об успехах нанайцев в ликвидации неграмотности, забавными случаями в яслях и детском саду, запоминающимися моментами из личного общения Путинцевой с нанайскими мужчинами и женщинами. В текстах много позитивной лексики, относящейся к этим аспектам: «забавный старик, и я его очень люблю», «ребята с каждым днём говорят лучше, даже маленькие», «как приятно смотреть на таких ребят, когда чувствуешь, что труды не даром тратишь» и др. Александра Петровна много фотографировала повседневную жизнь нанайцев и их самих, однако работа в Юрте требовала колоссальной отдачи. «Живёшь здесь, с утра до вечера вертишься, как белка в колесе, и всё для себя не можешь вырвать минуты, хотя бы вот просто съездить посмотреть базу и сфотографировать все моменты обработки рыбы — чистка, производимая нанайками, посол, варка тузлука и т.д.» [4, с. 136]. Накопление усталости Путинцевой идёт по нарастающей по мере приближения к концу дневников, всё чаще встречаются жалобы на взаимодействие с другими работниками Юрты: «Маруся (политпросветчица М.А. Каплан. — А.С.) все эти дни с приезда Циммермана дуется, что-то фыркает и всё хочет показать, что только она одна держит Юрту, пишет протоколы, ведёт детсад, ликпункт. А я сейчас, верно, не провожу плановой работы, но зато огороды, женделегатские собрания. Ведь всё это лежит на мне, а тут отчётность надо приводить в порядок. Эта работа заведующей никаким планом не предусматривается, и когда я долго сижу за писаниной, у меня такое самочувствие, что я ворую время от более нужной работы, т.к. в эти дни, естественно, я ничего не провожу» [4, с. 138].

«Дневники Красной Юрты», наряду с такими признаками этнографического журнала, как описание повседневной жизни нанайцев, празднование ими новых советских праздников, содержат и явные черты женского мемуарно-автобиографического дискурса: автокоммуникация (А.П. Путинцева много рефлексировала о своей роли в деятельности Красной Юрты и своём участии в жизни нанайцев), гендерная картина мира (Путинцева делает упор на женщин и «женское» в стойбищах, показывает мир нанайской женщины изнутри) и системы мемуарно-автобиографических текстов, выраженной в самой структуре дневниковых записей. Вместе с вышперечисленным мемуарность «Дневников Красной Юрты» придаёт им черты эго-документа в широком смысле этого слова.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дубинина Н.И. Дальневосточницы в борьбе и труде: Исторический очерк. 1917—1941. Хабаровск: Кн. изд., 1982. 176 с.
2. Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-polevykh-dnevnikov-v-kontekste-proizvodstva-etnograficheskikh-tekstov/viewer> (дата обращения: 23.08.2021).
3. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2012. 22 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197429945.pdf> (дата обращения: 22.08.2021).
4. Путинцева А.П. Дневники Красной Юрты. Хабаровск, 2010. 350 с.
5. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
6. Пушкарёва Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-empatii-v-antropologii-i-vazhnosti-razdelnogo-opisaniya-i-izucheniya-muzhskoy-i-zhenskoj-povsednevnosti/viewer> (дата обращения: 07.10.2021).
7. Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографии для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37712851_45820596.pdf (дата обращения: 17.08.2021).
8. Пушкарёва Н.Л., Новикова Н.В. Становление феминистской антропологии // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-feministskoj-antropologii/viewer> (дата обращения: 22.08.2021).
9. Циркуляр ВЦИК «ЦиКам автономных республик и исполнительным комитетам автономных областей о задачах и работе комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин». URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/161074#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 22.08.2021).
10. Щепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыт автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polevik-figura-i-deyatelnost-etnografa-v-eskpeditsionnom-folklore-opytu-avtoetnografii/viewer> (дата обращения: 05.11.2021).
11. Cixous H. The Laugh of the Medusa // Signs. Vol. 1. No. 4. (Summer, 1976). URL: <https://www.jstor.org/stable/3173239> (дата обращения: 22.08.2021).

REFERENCES

1. Dubinina N.I. *Dal'nevostochnitsy v bor'be i trude: Istoricheskiy ocherk. 1917—1941* [Far Eastern Women in Fight and Labor. Historical Essay. 1917—1941]. Khabarovsk, Kn. izd. Publ., 1982, 176 p. (In Russ.)
2. Maksimova A.S. Analiz polevykh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [The Analysis of Field Books in the Context of Producing Ethnographic Texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no. 1 (107). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-polevykh-dnevnikov-v-kontekste-proizvodstva-etnograficheskikh-tekstov/viewer> (accessed 23.08.2021). (In Russ.)

3. Minets D.V. *Gendernaya kontseptosfera zhenskogo memuarно-avtobiograficheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Gender Conceptual Sphere of Women's Memoir and Autobiographical Discourse. PhD in philol. sci. diss.]. Vologda, 2012, 22 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/197429945.pdf> (accessed 22.08.2021). (In Russ.)
4. Putintseva A.P. *Dnevniki Krasnoy Yurty* [Diaries of the Red Jurt]. Khabarovsk, 2010, 350 p. (In Russ.)
5. Pushkareva N.L. *Gendernaya teoria i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007, 496 p. (In Russ.)
6. Pushkareva N.L. Ob empatii v antropologii i vazhnosti razdel'nogo opisaniya muzhskoy i zhenskoy povsednevnykh [About Empathy in Anthropology and Importance of Separate Description of Men's and Women's Daily Routine]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2014, no. 1 (70). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-empatii-v-antropologii-i-vazhnosti-razdel'nogo-opisaniya-i-izucheniya-muzhskoy-i-zhenskoy-povsednevnykh/viewer> (accessed 07.10.2021). (In Russ.)
7. Pushkareva N.L. Evristicheskaya tsennost' avtobiografii dlya genderologa: sopostavlyaya teoreticheskie itogy rossiyskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovaniy [Heuristic Value of Autobiography for Genderologist: Comparing Theoretical Results of Russian and Foreign Autobiographical Research]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, series "Istoriya Rossii", 2019, vol. 18, no. 2. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37712851_45820596.pdf (accessed 17.08.2021). (In Russ.)
8. Pushkareva N.L., Novikova N.V. Stanovlenie feministskoy antropologii [The Formation of Feminist Anthropology]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, 2010, vol. 1, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-feministskoy-antropologii/viewer> (accessed 22.08.2021). (In Russ.)
9. *Tsirculyar VTsIK «TsIKam avtonomnykh respublik i ispolnitel'nykh komitetam avtonomnykh oblastey o zadachakh i rabote komissii po uluchsheniyu truda i byta trudnyashchikhsya zhenshchin»* [Circular of the All-Russian Central Executive Committee to the Central Executive Committees of Autonomous Republics and Executive Committees of Autonomous Areas on the Tasks and Commission's Work about the Improvement of Labor and Life of the Working Women]. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/161074#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed 22.08.2021). (In Russ.)
10. Shchepanskaya T.B. Polevik: figura i deyatelnost' etnografa v ekspeditsionnom fol'klore (opyt avtoetnografii) [Polevik: the Figure and the Work of the Ethnographer in Expeditionary Folklore (the Experience of Autoethnography)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2003, vol. 6, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/polevik-figura-i-deyatelnost-etnografa-v-ekspeditsionnom-folklore-opyty-avtoetnografii/viewer> (accessed 05.11.2021). (In Russ.)
11. Cixous H. The Laugh of the Medusa. *Signs*, vol. 1, no. 4. (Summer, 1976). Available at: <https://www.jstor.org/stable/3173239> (accessed 22.08.2021). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 23.05.2022